

Сергій Чугуновъ
Блуждающій Свѣтъ

Романъ во стихахъ

Сергій Чугуновъ
Блуждающій Свѣтъ.
Романъ во стихахъ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466976
ISBN 9785449387875*

Аннотация

Роман в стихах в стиле фэнтези. Уникальное сочетание современной поэзии, заключённой в рамки строгой строфы, фантастические приключения, мистика и философия бытия... Всё это создаёт неповторимый колорит и даёт свободу мыслям и фантазиям...

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава первая	8
I	8
II	9
III	10
IV	11
V	12
VI	13
VII	14
VIII	15
IX	16
X	17
XI	18
XII	19
XIII	20
XIV	21
XV	22
XVI	23
XVII	24
XVIII	25
XIX	26
XX	27
XXI	28

XXII	29
XXIII	30
XXIV	31
XXV	32
XXVI	33
XXVII	34
XXVIII	35
XXIX	36
XXX	37
XXXI	38
XXXII	39
XXXIII	40
XXXIV	41
XXXV	42
XXXVI	43
XXXVII	44
XXXVIII	45
XXXIX	46
XL	47
XLI	48
XLII	49
XLIII	50
XLIV	51
ГЛАВА ВТОРАЯ	52
I	52
II	53

III	54
IV	55
V	56
VI	57
VII	58
VIII	59
IX	60
X	61
XI	62
XII	63
XIII	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Блуждающий Свѣтъ Романъ во стихахъ

Сергій Чугуновъ

*«Love, nursed among pleasures, is faithless as they,
But the love born of Sorrow, like Sorrow, is true...»
Thomas Moore*

*«Любовь, вскормленная средь удовольствий,
неверная, как и они,
Но любовь, рожденная в Горе, подобно Горю,
верна...»
Томас Мур (англ.)*

© Сергій Чугуновъ, 2019

ISBN 978-5-4493-8787-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

*В наш век кого-то удивить
сюжетом иль отменным слогом,
увы, не просто. Как же быть? —
когда Самим быть может Богом,
во мне неутолимый вызван зуд.
И вспухла от раздумий голова;
и мысли, облаченные в слова,
так на бумагу и бегут, бегут...
Бегут, увы, не подвиг совершить!
Бегут, в пустой надежде поразить,
(быть может, стыд пройдя и униженье)
несокрушимое воображенье
Читателя, уставшего от дел
либо томящегося в скуке...
Довольно слов, пера коснулись руки;
и Музы райский голос зазвенел...*

Глава первая

*«„Господи, мало нечисті на Землі, так ти ще й
жинок наплодив“».*

Н. В. Гоголь

I

«Греховна жизнь, да и любовь греховна...
се как недуг, им раз переболев,
мы в мир иной отходим поголовно
иль в мир воспоминаний-грёз... Что лев,
насытившись, ложится в тень, зевает
и никого окрест не замечает:
ни сладкой пищи, ни доступных дев...
Но всё ж, потом, и то непостижимо —
когда уж нет сил и средств любить;
нет прав и нет здоровья дале жить —
нас тянет всех, причём неудержимо,
пред тем, как вздох предсмертный испустить,
сосуд греха ещё раз пригубить...» —

II

Пал Львович Ткач – повеса старый – сына,
учил искусству жить, а, зная, любить:
«Лишь женщина в мужских грехах повинна!
ей угодить иль дабы ей польстить,
идёт на грех и даже смерть мужчина,
она – грехов его первопричина
и следствие... Поверь, нельзя грешить,
не ведая любви, любить безгрешно —
нельзя... Как, впрочем, жить... Да, то беда!
Но, во грехах раскаешься когда —
ан поздно... Впрочем, сын мой, безутешно
о том рыдать не стоит и труда,
жизнь такова – то зной, то холода...»

III

Сын слушал всё, да только без вниманья...

«Что мне любовь? – пока не до неё...

Что женщины? – от них одни страданья...

Любовь – предназначенье не моё!

Мне ль женщину любить – она убога...

Терниста и трудна моя дорога:

я кубок *Истины*, налитый до краёв,

хочу испить. К чему мне наслажденья? —

в них толку нет, а, значит, нет ума;

страстишек плотских, мелких кутерьма

мои не поколеблет убежденья.

Хочу наук пополнить закрома,

пока меня не поглотила тьма...» —

IV

так думал юноша, на сеновале лежа,
да не заметил, как и задремал,
укрывши дранной голову рогожей...
...И, лишь на пятый раз, он услышал:
«Эй! Глеб-каа! Где ты там?! Тя ищут, Глебка, —
звала его пригожая соседка, —
Василий Львович да и дядя Пал...»
Василий Львович – дядя из столицы —
батянькин брат, за Глебом прилетал,
ему своих Господь детей не дал,
так он племянника отправить за границу
решил... И Глеб на свете всё б проспал,
каб не соседка Ольга Самофал...

V

Скрывать не буду, Оля очень Глебу...
не только очень, да ещё давно,
была по сёрдцу... Сколько раз у неба
молил любви её – всё тщетно, но
Глеб не сдавался, Оле так и эдак
о чувстве намекал... А напоследок,
перед отъездом, как в плохом кино,
он ей признался, переврав поэта:
«Любил ли, Оля, кто тебя, как я¹?»
Зарделась дёвица, как от огня...
«Люблю тебя, хочу...» «Ах, ты про *ета*...
Глеб, не поспеет, мало время, я...
быть может статья... буду ждать тебя...»

VI

И вот... в *ину* страну и в жизнь чужую,
отца покинув и родимый кров,
уехал Глеб. И там, вам доложу я,
недурно зажил он, начав с азов,
науки мира изучать и тайны,
и этим счастлив был необычайно,
жил этим наяву и в мире снов,
окрест себя совсем не замечая:
ни красоты, ни грязи городской;
ни вечной торопливости людской;
ни девок, что, прохожих докучая,
лишь купол неба меркнет голубой,
на площадях и улицах собой

VII

торгуют. Все дела мирские Глеба
не волновали. Весь в науках, он
жил скромно: чай да два кусочка хлеба
входили в его скромный рацион...

*А игры, развлечения, путаны,
танцульки, выпивка* – посколь ни по карману —
Глеб не вводил сих слов в свой *лексикон*.

Шли годы, но в судьбе Ткача *ничтоже*²
не изменялось... Словно бы больной,
науке отдавался он одной,
доколь его наш Всемогущий Боже
не свел с ума. В *излишний* выходной
Глеб с девой познакомился одной...

VIII

Сознаться честно, женщин Глеб боялся,
ведь он без материнской ласки взрос.
Те ж – с коими, случалось, забавлялся
отец – то разве женщины? – вопрос...
Превыше Ткач ценил уединенье —
с великоумной книгой съединенье
иль пребыванье в царстве сладких грёз.
А тут неведома открылась бездна,
и в оную его нещадный *рок*
столкнул, и Глеб поплыл, как тот щенок,
которого учить ин бесполезно.
Когда пришёл влюбиться парню срок —
он втюрился, ну чисто дурачок...

IX

Содеялось всё, вроде как случайно,
сосед по комнате, почти дружок,
их познакомил в парке, дальше тайна...
Как можно так, за столь недолгий срок
(я лишь узнал – подумал: злая шутка)
околдовать, влюбить, лишить рассудка?
Возможно ль? Да! Поскольку тот же рок
нас приучил готовым быть к любому
изгибу-искривлению судьбы...
К чему чесать затылки, морщить лбы? —
одно! всё обернется по-иному,
не так совсем, как нам хотелось бы...
(садили клёны – выросли дубы)

X

И все притом, что это диво – дева божественно-бесовской красотой не выделялась, но ни в этом дело, ни в красоте, чудесной, но пустой — сокрыта женщин дьявольская сила, что до небес мужчину возносила и низвергала... Но! О деве той: она была умна, умна настолько, чтоб ум скрывать умело от мужчин. Зачем? Тому немало есть причин — одна из них (*и то признать мне горько*) та, что мужчина – человечин сын, един: мудрец, добытчик, господин!

XI

К тому же Энни, так ту деву звали,
могла умело выслушать, понять...
*(По всей земле ищи, и то едва ли
людей, способных, слушая, внимать,
десятка два на миллион найдётся.
Не всякому такой талант даётся —
самозабвенно сопереживать...
Теперь всё большие любят посудачить,
умельцы рода злостных болтунов
стремятся вас поймать в **пленицы**³ слов,
обезоружить и обезопасить...)*
Глеб Пальч Ткач – породы мужиков
типичный представитель, трёх часов

XII

не минуло, а, глядь, уже под юбку
полез он, нетерпенье проявив.
Но, благо, Энн всё обратила в шутку
и, грубость зверя в нежность обратив,
в пучину страсти робкого невежду,
обезоружив, то есть, сняв одежду,
толкнула! Ткач, рассудку супротив,
без тени страха в тайные глубины
неведомого чувства погрузился;
он лишь на миг в желаньях усомнился,
но прочь прогнал сомненья... О, мужчины!
среди вас ещё на свет не родился
Муж, *коий* зову плоти *вспротив*лся!

XIII

Теперь мы в мир иной перенесёмся,
нет, ни в загробный, в параллельный мир.
Как попадём туда? А как-нибудь пробьёмся —
в пространствах много всяких лазов-дыр.
Кто в нём живёт? Народ необычайный,
красивый, добрый, но, увы, печальный,
поскольку беден он, забит и сир...
Йергес народом правит – многочумный,
разнузданный, бессовестный злодей,
причем из бывших, то есть из людей...
Сей притеснитель слабоумный,
сей реформатор -лицедей,
был полон пременительных идей —

XIV

но минул век, Йергес остепенился,
теперь не сеет в землю он костей;
обрюзг, оплыл жирком да обленился;
сидит и званных ждёт к себе гостей!
Вот! Зашумели кроны, *ветр* могучий
задул, завыл, нагнал *свинцовы* тучи,
но, пролив желчь и наломав ветвей,
унылся, задремав в дупле... А вскоре,
взошли к Йергесу медленной чредой:
беззубый *Старец*, будто лунь, седой;
Тюлень в старинном головном уборе;
Бык златорогий; *Ворон* с бородой
да *Кот* облезлый со *Змейй* младой...

XV

Все твари – сопровители Йергеса:
Старик – существ бесплотных господин;
облезлый Кот – хозяин гор и леса;
Тюлень – властитель водяных глубин,
те содрогаются от одного лишь рыка;
Бык – обитателей степей владыка,
их сын и дух в одном лице един;
пустыни лишь одной Змее подвластны,
там где Змея – там ненависть и страх;
а Ворон царствует на небесах,
его закон и гнев его – ужасны...
Йергес молчит, печаль в его очах,
и властная улыбка на устах.

XVI

«Прийми привет, *König Jerges*⁴ -Жестокий, —
седой старик учтиво начал речь, —

*Ein Unser Held*⁵! Хозяин светлоокый.

Отец родной, знай, рад костями лечь,

любой из нас, твою сполняя волю;

готов: делить и благость, и недолю;

тебе служить и твой живот беречь...

Мы, *Herr*⁶, пришли смиренною толпою,

даб, обратившись в вселюбящий слух,

постичь, чего твоих очей потух

могучий пламень? Что стряслось с тобою?

Аль одолел тебя, какой ни весть, недуг?

Аль предал, вдруг, *недолговечный* друг?»

XVII

Йергес молчит, властителю негоже
поспешным быть. И миновал уж час,
как он безмолвствует... А гости что же?
В почтении склонив главу, ни раз
уж исподлобья кроткий взгляд бросали,
пытаясь что-нибудь понять... Уж в зале
стемнело так, что кроме красных глаз,
светящихся во тьме, ни зги не видно...
Йергес вздохнул, по стенам факела
самозажглись... «Такие вот дела... —
промолвил он. — Мне знаете ль обидно...»
Наморщив кожу потного чела,
вновь Царь замолк. Лишь глупая пчела,

XVIII

под потолком летая, так жужжала,
(от шума просто вспухла голова)
пытаясь тщетно выбраться из зала,
Йергес её убил, взглянув едва...
«Так вот, мои дражайшие собратья,
не для того я вас просил собраться,
чтоб слушать сладолестные слова.
Уж век второй пошёл, как я над вами
посажен был Всесильною Рукой,
и мыслью се: пора мне на покой,
я поослаб да поглупел с годами...
Но нет наследника – тогда на кой
нужён покой, ответьте мне, такой?»

XIX

Притихли гости, мыслят, плохо дело...
Тюлень от страха даже шляпу смял;
у Старца всё внутри похолодело;
дрожь у Кота... Тут Ворон слово взял,
когтем корявым теребя бородку,
«Мой властелин, найди себе молодку...
ужель ни разу простыней не мял
ты с девками, ночами развлекаясь?
Аль в данном деле стал уже ты плох?
Аль твой могучный сук совсем засох?»
Йергес расцвёл: «Да было дело, каюсь,
я преподать и вам могу урок...
Но я страшусь, когда приспеет срок,

XX

вдруг дочка уродится вместо сына...»
Змея тут влезла: «Это пустяки,
рожденье дщери – это ли причина
твоей кручины? Все вы – мужики —
вам никогда мозгов не доставало...
Вам токмо б сыновей жена рожала,
дак жить без баб, сознайся, не с руки.
Ужели, Царь, на женщину оставить
свою страну робеешь?» «Замолчи!» —
вопит Йергес... «*Halt Maul!*⁷ – не кричи, —
тут старец встрял. – Ты волен нами править,
как помышляешь... Токмо знай – в ночи
твоё житьё, как пламечко свечи,

XXI

раз и задул...“ Тиран затих: „И верно,
что я без них?“ „Коль уродится дочь —
мы ж что-нибудь изобретём наверно,
тебе смогём, случай чего, помочь...»

«Sehr gut⁸, Старик, прости, вспылел немного;
вы, дру́ги, тоже не судите строго...

Ты, Кот облезлый, мордочку не корчь,
а нонче ж собирай-кося в дорогу
и этак, скажем, в три-четыре дни
ко мне, браток, невесту приведи...

Ты ж, враний сын, ходи хоть к чёрту, к богу,
хоть шар земной три раза обойди,
убор для девы сказочный найди...»

XXII

Вернемся в Лондон, а верней в предместье,
промчимся ветром чрез леса, поля...

*Sir David*⁹, верою служа и честью,
в награду получил от короля —
старинный дом у леса самой кромки,
где по сейчас живут его потомки,
печалю душу, телу веселя...

Вот и сегодня, с самого рассвета,
уютный старый домик кверху дном,
хлопочут слуги – вечером приём —
скользя по глади *модного паркета*.
Всего за час стал домик над прудом
похож на порт и сумасшедший дом.

XXIII

Сегодня Энн *справляет именины*,
гостей и гостей полон древний дом.
Здесь: дамы, что индийские павлины,
блистают опереньем, об одном
долдоня: «...нынче этот цвет не в моде...»
«Нет, *Стивен Кинг*, ни при какой погоде
читать не буду, паче перед сном...»
Потом судачат о несносном Чарльзе...
Мусолят: тайну смерти леди Ди;
проблемы укрепления груди;
методы доктора, *whose clinic*¹⁰ в часе
езды отсель; и что ждёт впереди,
согласно гороскопу *ma'am Frauddy*¹¹?

XXIV

В соседней зале знатные мужчины
(часть большую из них пора на слом...)
во фраках чёрных, будто бы пингвины,
столпились жадной стаей над столом.
Здесь светские, пустые разговоры,
а в мыслях только зависть да укоры —
и всё между закуской и вином...
За картами ж играют в благородство:
безмолвие; улыбки напоказ;
невидящие очи вместо глаз;
и хладный ум под маской сумасбродства.
Зря сих людей, я мыслю всякий раз:
«Такие развлечения не про нас!»

XXV

Во-первых, я ещё покамест молод;
и не особенно богат я, во-вторых.
Духовна жажда и познания голод
чревоугодия и похотей моих
стократ сильней. Но может быть такое,
что лет чрез ...надцать, в поисках покоя,
я к ним приду... Сейчас же не до них,
я там, где молодежь! Там все танцуют;
там буйство красок, звуков и страстей!
Уединясь в беседке от гостей,
Энн с Глебом, словно голуби, воркуют...
Приспела ночь, дом шумный опустел,
и пылких ждёт любовников постель.

XXVI

Увы, живописать *любви* сцену
я не горазд, поскольку для меня
постель иную обрела уж цену —
отдохновение от пороков дня.
Хотя не в силах возражать природе —
на **НОЧЬ ЛЮБВИ** (*ни при какой погоде*)
я б **ночку сна** (*ни в жизнь*) не променял!
Но здесь иные чувства, настроенья;
здесь девственно-развратная любовь —
ей наплевать, что с нею слово **Кровь**
рифмуется от *Миросотворенья*.
И всё равно: там где Любовь – там вновь
волнуется иль льётся чья-то кровь...

XXVII

До крови дело не дошло. Мы в спальню
вернёмся... Там обычные дела:
секс-тур окончен; одр многострадальный
разбитые усталостью тела
унял; всё кончено! Едва лишь, руки,
касясь кожи, тела закоулки
исследуют, как майская пчела
бутоны пышны в поисках нектара,
с цветка перелетая на цветок...
Но в тишине, вдруг, слышен шепоток:
«Любезный мой, я от любви устала
и спать хочу...» „Ещё хотя б чуток
давай поговорим...» «О чём, сынок?»

XXVIII

«*Сыночком*» Энни величала Глеба —
посколь была и искушенной и умней
в житейском смысле. Глеб же «*Даром Неба*»
подругу звал. Но, а в кругу друзей
«*Советником своим*» да «*Берегиней*»...
«Глянь, тополя роняют наземь иней,
глянь, сколь на небесах блесит звездой...»
«Кончай дурить, мне завтра на работу!»
«Вот так всегда, ну что за человек.
Так и пролетит сей жизни прыткий век
в проблемах, в поисках, в заботах...
Но о себе помыслить разве грех?
Ведь столько развлечений и утех!»

XXIX

«Ты ране так не думал...» «Так ведь ране
я знать не знал, что значит се – любить;
я знать не знал, что значит состраданье;
сочувствие, соитие...» „Побить
тебя быть может, дабы отвязался?»
«Кто не был бит иль кто не обжигался —
не знает боли...» „Мож тебя убить,
на чём-нибудь за что-нибудь подвесить —
тогда прознаешь, что есть смерть и тлен...»
«Коль я тебе попал в *слащавый плен* —
всевластна ты: забить, забыть... раз десять
на дню любить... Но я, как *Соверен*¹²,
тебе ни унижений, ни измен

XXX

не извиню...» Вороний сын в печали,
лишь рассвело, оставил Чёрный лес...
«Не повезло! И самодур-начальник,
и сам – дурак, чего с советом влез?
Вот так, вот, чёрт, послали, так послали!
теперь лети в неведомые дали,
при этом дали времени в обрез...»
Коту не легче: «Где сыскать невесту?
при том ещё девицу – просто мрак...
Со сворой драться бешеных собак
должно быть проще...» Не находит места
и сам Йергес: «Женюсь, а если как,
женившись, я останусь в дураках?»»

XXXI

Кот, разумея, что три дня – не время,
побег к *Фефёле*¹³, что жила в бору.
Та, почесав своё три раза темя,
за печь полезла: «Щас, лишь приберу
в избе немнохо... Чародейну книху
куда-т пихнула. Ты, небось, интриху
каку наладил?.. Право не к добру,
щё не моху сыскать книжонку, право...
А нут-ка, Кот, тебе плясну сто храмм,
покель сыщу...» „Ну нет! Давай я сам,
мал пошукаю, ты ещё отраву
нальёшь! Мне ж подыхать не по годам...»
«С чевойт ты взяв, щё я тя яду дам?

XXXII

я ж котиков кохаю...“ „Ты скорее
ищи, не то...» «Ищу, ищу... Эх, Коо-от...»
Пошарив самую малость в *шифоньере*,
она в железный забралась комод;
порылась с полчаса в своём диване;
потом закрылась на часок в чулане...
«Дак! вот вона! – беззубый скаля рот,
явилась баба с пыльным *фолиантом*, —
сыскалася... Як щё ты говоришь?
Йергесу дёвицу... Чай, Кот, шалишь?
Он не мужик ужо – фантóm аль фánтом...»
Кот заурчал. «Молчу... молчу...» Молчишь?»
«Короче, Кот, езжай-ка ты в Париж...

XXXIII

а мож в Мадридт... Начиркано коряво —
не разобрать...“ „А ты уж разбери,
коль жаждеш жить!“ „Ну, щё ты, Котик, право,
угрозами стращаешь? Одари
презентом лучша...» «Слишком много чести...»
«Катись на Темзу, ужо там на месте...
ищи-свищи какую-то *miss Rea*¹⁴ —
вона́ тебе потребна...“ „Добре, бабка,
не дай... солжёшь в гадании своём —
поймешь, *карга*, шалила ты с огнём...»
«Брось, Котик, на... хлебни-ка, вот, *с устатку*».
«Опять хотишь мя отравить вином!»
«Как можно-ть, Кот!» «Так пей его с Волкóм...»

XXXIV

Не только *человеки* знают цену
хмельному! Вон, у друга попугай
пивко любил; бывало, сдует пену,
отломит воблочки... Потом ругай
его, кричи, выщипывай все перья —
ему всё по... Бывало так Лукерья —
моя кума покойная – чрез край
ядрёной браги *хряпнет* из бочонка,
устроит на завалинке свой зад,
кисет достанет, дедов самосад
затянет и... отрубится бабёнка —
не сдвинешь с места ни вперед, ни взад...
Вернёмся в спальню; окна в палисад

XXXV

раскрыты настежь; запахи и звуки
такие сладостные веют и звучат...
Не слышно слов, утомонились руки,
и лишь сердца, как ходики, стучат
ритмично, в такт... Влюблённые бесстрастны,
покуда спят, невинны и прекрасны...
Но во грехе давно рассвет зачат,
и близок час: *окровавится* неба
простынка; день родится гол, как суть;
проснутся люди, тотчас двинут в путь,
вотще ища: кто зрелища; кто хлеба...
А про работу, перед коей, жуть
как надо выспаться и отдохнуть,

XXXVI

Энн наплела! – Она и знать не знала —
что есть работа? В окруженьи слуг,
как ягодка в теплице, возрастала,
не утруждая бело-нежных рук.
Она часами отдавалась чтению;
любила танцы, музыку и пенье;
и одолела множество наук;
владела несколькими языками;
могла скакать, и плавать, и летать;
одним ударом череп разбивать... —
но это всё нельзя прозвать делами!
Всё это – мне печально признавать —
Энн постигала, дабы не скучать.

XXXVII

И Глеба дева также не любила,
ей просто возжелалось поиграть
с сердечком рúсича-полудебила,
заставить *ретивое* пострадать.
Ей нравилось царицей быть и править,
больное самолюбие забавить,
желаньям похотливым потакать...
Ин дело Глеб, соображает *плохо-ть*,
что стал рабом он низменных страстей;
не зная женщин, к Энн залез в постель
и принял за любовь простую похоть.
Уж нам дурных недолго ждать вестей
в наш *век космических сверхскоростей*...

XXXVIII

Влетел брадатый Ворон в чей-то замок,
вернее исторический музей.

Там было всё: от *ползунков* до *тапок* —
династии забытых королей.

И там висел, из кружев весь и бантов,
в сияньи жемчуга и бриллиантов,
венец-наряд одной из дочерей.

Разбив стекло, не опасаясь стражи,
хватил пройдоха платье, и в окно;
а за окном, как водиться, темно...

На утро лишь узнал о дерзкой краже
крещённый мир; но *Ворон-вор* давно
кровавое с Йергесом пьёт вино...

XXXIX

Йергес доволен: «Молодчина, Ворон,
сознаться, я совсем не ожидал,
что исполнишь ты приказ так скоро...
Где ж ты наряд такой, брат, откопал?»
А враний сын безмолвствует, ещё бы...
Он – есмь герой! «Обшарил все чащобы,
во всех, Царь, государствах побывал.
У *Мерлина* из западной сторонки
шел ентою смутной ночью знатный бал;
там светской нечисти был полон зал.
Наряд украл я у царёвой жёнки,
и дёру... Чудодей меня нагнал,
но поразил его я наповал!

XL

вот ентим клювом...» Царь лишь ухмыльнулся:
«Пусть будет так, хотя ты врать мастак...»
«Ей-ей не лгу!» – весь Ворон встрепенулся.
«Довольно, птица, я ведь не дурак,
хотя и пьян! Пшёл прочь, исчадьє враньє,
пока тебя я за твоё стараньє
не порешил!» «Но, Царь мой, как же так?»
«Лети, вражина, прочь!» В одно мгновеньє
лгунишки-ворона простыл и след...
Едва небес зари коснулся свет,
уж в Лондоне наш Кот, и с нетерпеньем
принялся, помня нищенки совет,
искать *мисс Ри*, которой мож и нет.

XLI

Проснулась Энн, понять себя не может:
то на другой перевернётся бок;
то ляжет на спину; её тревожит
предчувствие дурное. Близок срок
за все грехи и за обман расплаты.
Вот уж в стекло стучится дождь лохматый,
скребётся в дверь голодный ветерок.
«Скорей проснись, мой друг, ты всё на свете
проспишь, проспишь...» – но горькие слова
всё стрянут в горле, слышится едва
змеиный: «Шы-шш». И на призыв: «Ответь мне!»
Энн слышит лишь, как под окном трава
шуршит: *«Твоя пропала голова!»*

XLII

«Что, чёрт, за мистика? Откуда?
Какой злодей прокрасться мог сюда?»
В серванте громко звякнула посуда;
кран зашумел; и полилась вода...
Шумы и шорохи пространство дома
наполнили... Гремят раскаты грома,
то к дому приближается *Бед*а!
Вот Энни в страхе тщетно молит Бога:
*«I pray the Lord my soul to keep... I'm not
a sinner! I'm a strayed sheep... My God...»*¹⁵
Но Бог молчит, с небесного чертога
взирая безучастно... Полночь бьёт...
и на кровать облезлый лезет Кот...

XLIII

Почти всю ночь кутила непогода,
но паренёк настолько крепко спал —
что так проспал, наверняка, полгода,
когда б лакей его не растолкал:

«*Excuse me, mister Tkach, where's miss Annie?*»¹⁶

Кровать пуста. «Энн нет!» Дрожат колени...

«*I don't know, Sir!*»¹⁷ — лишь Глеб пролепетал...

Какой тяжёлый жребий уготован
ещё мальчишке, глупому щенку;
так мало повидал он на веку —
в убийстве обвинён и арестован...

И лозунг так и проситься в строку:

«**ТОВАРИЩ!** *Будь всё время на чеку!*»

XLIV

Такая жизнь, и так уж повелось...
Почти настал, казалось, счастья миг —
вдруг перепуталось, переплелось,
вдруг изменилось всё — ты сник —
конец печален... Впрочем, се начало,
лишь отошёл от шумного причала
повествованья белокрылый бриг...
В полон девица Энни угодила;
в неволе Глеб, её минутный друг —
но плен — ни тлен, неволя — ни недуг!
Хотя нас ждёт забвенье и могила,
покамест жизни не замкнулся круг,
нельзя надежду выпускать из рук...

ГЛАВА ВТОРАЯ

*«Следует оплакивать людей, когда они рождаются,
а не тогда, когда они умирают...»*

III. Монтескье

I

«Весь день льёт дождь¹⁸ – ужасная погода!

Была б жара – ворчал бы и тогда...

Капризными нас создала Природа,
сын человеческий не счастлив никогда,

сей господин всё время недоволен:

чуть занемог – «Ох, я смертельно болен...»

чуть-чуть сглупил – «Какой же я – балда!»

Льёт дождь... – прекрасно то, поверьте:

озера все наполнятся водой,

животные придут на водопой,

растенья убегут безводной смерти...» —

так думал Глеб, невольник молодой,

зря сквозь решётку ливень проливной.

II

Такой же дождь нещадно лил в деревне,
покинул кою, уж три года, Ткач.
В избу к Пал Львовичу после обедни,
был спешно вызван деревенский врач.
Но тот недолго мучился с ответом,
всё было ясно ещё прошлым летом —
когда упал на Павла *карагач*...
Дед занемог и слёг, в больнице долго,
страдая и скучая, он лежал,
а по весне в деревню убежал...
«Хочу здесь помереть, заради бога,
не трогайте...» – врачам он наказал.
И нынче, вот, Господь его прибрал...

III

Под утро в дверь вошли два господина:
«Простьте наш вторженье, мистер Ткэц...»
«Ткач!» «*Oh! Excuse me*¹⁹, непокой прритчина
печалный вест». «Пол Ткэч – ест ваш отэц?»
«*Yes! He's my dad*»²⁰ «Умёр истекший ночью»
«Нет! нет, чего вы лжёте?» «Это точно».
«Враньё! Скажите правду, наконец...»
Вдруг Глеб затих, ушёл в своё страданье,
застыл, окаменел; в теснящей в тишине
Лишь крики надзирателей извне
гремели, его скорбное молчанье
прервая грубо... «Правда, горе не
приходит в одиночку. И трёх дней

IV

не минуло со дня пропажи Энни,
а тут другой, ещё сильнее удар! —
так размышляет наш невинный пленник. —
Я никогда ещё так не страдал,
утратив сразу двух людей мне близких...
Не мил мне боле берег сей английский.
Куда бежал? – Родимый край предал...
Что здесь обрёл? – Отчаянье и горе,
да ультрасовременный каземат...
Но не воротись ничего назад,
*finita la commedia*²¹ ... И вскоре,
природой данный исчерпав талант,
фразёр божественный, комедиант

V

из списка действующих лиц спокойно
возьмёт и вычеркнет меня... Но нет,
довольно слёз, вести себя достойно
я должен – я ведь сам почти поэт —
поди, переписать в финале сцену,
могу и сам...» И вот, ночи на смену
спеша, забился в окна ранний свет;
ещё не пробил час обедний – Глеба,
и спутника, проворный самолёт
уже завёт в стремительный полёт,
легко взлетевши на седьмое небо...
А как там Энни? Что девицу ждёт
в плену Йергесовом? Мёд-пиво пьёт

VI

иль давится сухою хлебной коркой?
О том поведаю во третьей я главе,
боюсь, что ей приходится там горько...
Распорядился так жестокий век:
блаженный счастья своего не знает;
что есть свобода? – узник понимает;
что есть достаток? – нищий человек...
И двух дней не прошло, уж Глеб в России,
с ним *mister Eric Gregory John Gere*²² —
его немногословный *конвоир*...
Завидев Глеба, враз заголосили
старухи: «Паша наш споки-иинул ми-иир...»
И Глеб познал, как *одинок* и *сир*

VII

он в бесприютно-многолюдном мире.
И звук, на сдавленный похожий стон,
родился. Ткач идти не может, гири
будто к ногам привязаны. Всё ж он,
мал оклемавшись, в дом родимый идет,
и что же там, Глеб горемычный видит:
глаза святых, глядящие с икон;
завешенные зеркала; соседку,
что молится, крестясь и морща лоб;
обшитый траурным *глазетом* гроб,
поставленный на стул и табуретку;
да тьму цветов... Не оступиться чтоб,
присел на край скамьи наш Глеб. «Усоп... —

VIII

запричитала в трауре старуха, —
...раб Божий Павел! Господи, прими-иии...»
Её стенания звучали глухо
и жалобно. «Что жизнь? Единый миг,
топтание на месте с переводом
отпущенного времени за годом
год...» — так подумалось Ткачу. «И-иии...» —
опять завыли бабы, а мужчины,
войдя в избу... Я всё б вам описал,
но здесь, прошу, сей скорбный ритуал
мне опустить — и есть тому причины:
я столько, *близких* схоронив, рыдал —
что не касаться тем сих слово дал.

IX

...окончив поминальное застолье,
соседи разбрелись: кто по домам;
кто за околицу, развеяться на воле;
а кто, ещё принять, хотя б сто грамм,
побег в *кафеешку* либо-ти к знакомым...
Глеб с Эриком на лавочке пред домом.
(*Я в переводе диалог их передам,
звучит по-русски ярче он, поверьте.*)
«Как можно после похорон, ответь,
так буйно веселиться, песни петь?
Ужель в России не страшатся смерти?»
«Не в смерти дело, повод есть поесть,
попить, попеть... *Родины* или *смерть* —

X

в них, право, разницы не *шибко* много —
плюс-минус человеческая жизнь,
как в математике...“ „Побойся Бога!
Ведь Человек – венец Природы!“ „Брысь
под лавку, пёс... Я *седня* пьяный в стельку...
Оставь меня!» «На долго?» «На недельку...»
Тут Гир совсем расклеился и скис:
«Нам дали лишь три дня...» Но Глеба
ужо и пушкою не разбудить.
Позволь же мне, желая угодить
тебе, *Читатель милый мой*, на небо,
как сокол легкокрылый, воспарить
и сверху, будто месяц, осветить

XI

красоты русской той глубинки,
в которой родился и наш герой.
То вам не *примитивные* картинки
мазил-художников, кои порой
нам выдают за чудные творенья,
каких и не было от Сотворенья...
Деревня Куть лежала под горой
у тихой речки с ней одноименной.
Вода в речушке, будто синь глаза,
прозрачнее и чище, чем слеза,
вкусней не сыщешь и во всей Вселенной.
По берегам дремучие леса,
во коих заблудиться в полчаса...

XII

за неча делать... На покосах сено
в пахучих копнах. В них я, будтомышь,
бывало, зарывался, вдохновенно
описывал, на сене дремля, тишь
и ароматы середины лета,
вплетая в строки серого сонета
всё многоцветье луга... Только лишь
напрасно я от темы отступленье
развил; не в моде нынче се, увы;
природы описанье, свет луны —
теперь не бередят воображенье.
Потоки крови трогают умы,
постельны сцены да кошмарны сны.

XIII

Ну, что ж... Вернёмся к Эрику, бедняжка
задумался; а в мыслях винегрет
да мысль одна, бездомная бродяжка,
слоняется: «*I'm finding mare's nest...*»²³
А дале пара фраз на чистом русском,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.